

Вообще же правильный путь исследования вопросов генезиса вида предполагает, вероятно, в качестве обязательной предпосылки внимательный учет подчеркнутого А. Досталом факта сложности, так сказать, морфологической гетерогенности этой категории, вдумчивый учет глубокого различия функций имперфективации и так называемой перфективации в морфологическом механизме славянского глагола (и притом не только в период возникновения вида, но и в современном языке, о чем очень хорошо писал еще С. Карцевский¹).

В связи с этим, вероятно, правильное будет и генетически возводить перфективацию и имперфективацию не к одной корреляции О/НО, а к двум разным, изначально не связанным между собой корреляциям, которые целесообразно разграничить и терминологически. Такое предложение (с ним согласились выступившие в прениях А. В. Исаченко и Р. Ружичка, но не согласилась В. В. Бородин) было сделано в докладе Ю. С. Маслова. За одной из этих корреляций — той, к маркированному члену которой восходит имперфективация, — можно было бы сохранить термин О/НО, не исключая, впрочем, возможности ее дальнейшего подразделения, а также и выдвижения в ней на одно из важных мест интенсивно-итеративного способа действия в соответствии с материалами В. Махка. Другую корреляцию — ту, к маркированному члену которой восходит перфективация, лучше

(см. «Sur l'origine...», стр. 40, 55 и 58), будто славянский глагольный вид есть не грамматическая, а лексическая категория; оно тем более непонятно, что В. Махек, кажется, различает понятие «вида» и «способа действия» (у него — «mode d'action»).

¹ См. S. Karcevski, *Système du verbe russe*, Prague, 1927.

всего было бы назвать так, как ее обычно называют в грамматиках германских языков, — корреляцией *предельности/непредельности* (в международной номенклатуре — *терминативность/атерминативность*). И в рамках этой корреляции не исключается дальнейшее подразделение в соответствии со значением отдельных приставок и назального суффикса.

Думается, что поворотным пунктом в процессе становления вида явилось стремление дифференцировать в рамках предельных глаголов процессное значение и значение действительного достижения предела. Для выражения процессного значения используются (на первых порах эмфатически и факультативно) глагольные основы, прямой функцией которых было выражение неопределенности и многократности. Постепенно, по контрасту с возникшим таким образом несовершенным видом, соответствующие производящие предельные основы становятся совершенными. Раз возникнув, категория С/НС охватывает затем всю глагольную лексику, несколько меняя при этом свое смысловое содержание и приходя в итоге развития к тому значению К/НК, которое И. Немец предполагал для нее заданным заранее.

Разумеется, от научных съездов трудно ожидать внесения «окончательной ясности» в тот или иной спорный вопрос. Подводя общие итоги, мы можем повторить слова А. Мазона, сказанные в начале съезда: «Перед нами — серия остроумных гипотез, из которых ни одна, как бы велики ни были ее достоинства, не заставляет нас принять себя, отбросив все остальные»². И все же обмен мнениями был чрезвычайно полезен: точки зрения выяснились, столкнулись, могли быть четко сопоставлены.

Ю. С. Маслов

² А. Мазон, указ. соч., стр. 23.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА НА IV МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

Проблема образования и развития литературных языков в связи с историей общества — одна из центральных проблем современного языкознания, в частности славистики, — получила на IV Международном съезде славистов подробное и разностороннее освещение. В докладах и выступлениях на конгрессе, как и в публикациях к съезду, были поставлены центральные вопросы, в значительной мере определяющие пути дальнейших исследований в данной области науки о языке. Это вопросы о роли в формировании и развитии отдельных славянских литературных языков старославянского языка, народного и книжного начал, двуязычия, проблема сравнительно-исторического изучения ли-

тературных языков славянства, а также вопросы терминологии.

Необходимо отметить, что целый ряд кардинальных вопросов изучения старославянского как первого литературного языка славянства не только еще не разрешен, но многие из них в настоящее время впервые ставятся. Такое положение в значительной степени объясняется тем, что в послевоенные годы изучение старославянских памятников, как и исследование книжнославянского пласта, отошло в известной мере на второй план и внимание лингвистов сосредоточилось на другой, не менее важной проблеме — на исследовании народных, самобытных начал в литературных языках. В дискуссиях

на съезде (по докладам В. В. Виноградова, Л. Андрейчина, Я. Белича, С. Урбанчика, Б. Унбегауна) неоднократно подчеркивалось, что исследование этих двух проблем должно быть уравновешено.

Общие вопросы изучения старославянского (древнецерковнославянского) языка как первого международного культурного языка славян были поставлены в докладе И. Курца¹ и уточнены во время его обсуждения (выступления Е. Зейделя, Ф. В. Мареша, В. Д. Левина, И. Хамма, А. С. Львова, А. Достала, В. Кыса, Г. И. Коляды, Л. Дуйчева и др.). В дискуссии указывалось на все еще недостаточную изученность диалектной фонетико-морфологической основы этого языка, особенно его синтаксиса, лексики и фразеологии; выдвигалась задача сравнительно-исторического изучения системы старославянского языка и систем южно-, западно- и восточнославянских письменных языков в эпоху раннего средневековья², сравнительного исследования старославянской лексики и фразеологии с привлечением данных как южнославянских, так и западнославянских живых языков, а также греческого языка; подчеркивалась необходимость дальнейших специальных исследований местных разновидностей старославянского языка, особенностей тех диалектов, которые играли наиболее существенную роль в формировании литературных языков на определенных славянских территориях в кирилло-мефодиевскую эпоху и особенно в последующие за ней начальные периоды образования отдельных славянских литературных языков³.

На съезде неоднократно указывалось на необходимость введения в сферу научных изысканий возможно большего числа древнейших славянских памятников, более широкого применения новых методов чтения палимпсестов (доклад Г. Г. Ланта⁴),

увеличения числа публикаций новых текстов⁵ и переиздания давно опубликованных (с учетом опыта изданий последнего времени И. Вайса, И. Курца, Р. Нахтигала, И. Вашицы и ряда других славистов); подчеркивалось большое значение дальнейших поисков древнейших славянских надписей (доклад Д. Богдана⁶). Первоочередной задачей славистов всех стран было признано создание полного словаря старославянского языка⁷.

В связи с проблемой реконструкции первоначального текста старославянского евангелия была предложена тема (выступление Л. П. Жуковской) сравнительного анализа древнерусских списков евангельских текстов, прежде всего XII—XIV вв., и при этом специального сравнения евангелий-апракосов и четвероевангелий, так как первые древнее текстов⁸. Другой генетической проблеме был посвящен доклад Е. Георгиева, в котором ученый вновь выдвигает положение о болгарском происхождении старославянского языка и приводит ряд историко-культурных и лексических данных в подтверждение своей точки зрения⁹.

⁴ H. G. Lunt, On Slavonic palimpsests, «American contributions to the Fourth International congress of slavists», 's-Gravenhage, 1958.

⁵ Одна из последних работ этого рода принадлежит А. Вайану: A. Vaillant, L'Homélie d'Épiphane sur l'ensevelissement du Christ (texte vieux-slave, texte grec et traduction française), «Radovi staroslavenskog instituta», knj. 3, Zagreb, 1958.

⁶ Д. П. Богдан, Добруджанская надпись 943 года, «Romanoslavica», I, București, 1958.

⁷ Очень много в этом отношении сделали чехословацкие лингвисты, которые в настоящее время располагают самой большой в мире словарной картотеккой старославянского языка. К съезду был опубликован первый выпуск их двухтомного старославянского словаря: «Slovník jazyka staroslověnského», I. (A — A/E), Praha, 1958. См. также проспект этого словаря: «Slovník jazyka staroslověnského», Praha, 1956.

⁸ Ср. фундаментальный труд К. Горалка, в котором анализируется 26 старославянских памятников XI—XIV вв.: K. Horálek, Evangeliaře a čtvero evangelia (Přispěvky k textové kritice a k dějinám staroslověnského překladu evangelia), Praha, 1954; см. рецензию на эту книгу: J. Jahn, «Byzantinoslavica», XVIII, 2, 1957; ср. также: J. Vrana, O odnosu Miroslavljeva evanđelja prema staroslovjenskim evanđelistarima i čtvero evanđeljima, «Slavia», ročn. XXV, seš. 2, 1956.

⁹ Е. Георгиев, Основные вопросы возникновения старославянской (староболгарской) литературы и старославян-

¹ J. Kurz, Církevněslovanský jazyk jako mezinárodní kulturní (literární) jazyk Slovanstva, сб. «Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě», Praha, 1958. И. Курц и другие чехословацкие ученые (например, А. В. Исаченко) применительно к донациональному периоду истории языков часто пользуются термином «культурный язык», а не «литературный язык», как это принято, например, у нас.

² См. также доклад Б. Гавранка: B. Havránek, Charakter a úkoly srovnávacího studia spisovných jazyků slovanských, «Slavia», ročn. XXVII, seš. 2, Praha, 1958.

³ Один из таких вопросов на материале древнейшего словенского памятника — Фрейзингенских отрывков — разрабатывает Ф. Томпич: F. Tomšič, Podoba najstarejše pisne slovenščine, «Slavistična revija», letn. XI, 1—2, 1958.

В выступлениях разных ораторов и часто по далеким друг от друга вопросам говорилось о недооценке сопоставительного изучения языка греческих оригиналов и старославянских переводов, о громадном значении подобных исследований в самых различных аспектах (ср. работы И. Вашицы, Ф. В. Мареша, А. Достала и других славистов), прежде всего в области лексики, фразеологии и синтаксиса. Именно поэтому большой интерес у специалистов по литературным языкам вызвали доклады по старославянскому синтаксису, хотя они были задуманы в плане сравнительной грамматики. Это доклады Г. Бирнбаума, Р. Ружички и Я. Бауэра, посвященные различным вопросам влияния греческого (и отчасти латинского) синтаксиса на старославянский, выявлению в нем конкретных грецизмов¹.

Вопрос о воздействии старославянского языка на формирование и развитие всех славянских языков, принимающем в каждом конкретном случае специфические формы, разработан неравномерно и не всегда в прямой зависимости от степени интенсивности этого воздействия. Исследований, посвященных изучению книжно-славянских пластов в среднеболгарском, древнерусском и древнесербском, все еще очень мало. Данной теме, особенно в отношении русского литературного языка, в котором роль церковнославянского особенно значительна, на съезде было уделено большое внимание. Этот вопрос ставился и в отношении других славянских языков: древнечешского (доклад Й. Курца), древнепольского (выступление С. Урбанчика)², предистории самого молодого славянского литературного языка — македонского (доклад Б. Конеского)³; функ-

циям славянизмов в истории белорусского языка были посвящены сообщения Л. М. Шакуна и А. И. Журавского⁴.

Наиболее существенные и остро стоящие в современной науке проблемы, связанные с методом изучения и определением роли старославянского (церковнославянского) языка в развитии отдельных славянских литературных языков (на материале древнерусского), были сконцентрированы в докладе акад. В. В. Виноградова⁵. Это вопросы происхождения восточнославянского литературного языка и методов выделения в нем старославянских элементов; вопросы изучения процесса и результатов совмещения церковнославянизмов и русизмов, классификации видов книжнославянских элементов и изучения норм, определяющих соотношение компонентов в сфере древнерусской семантики и стилистики; вопросы, связанные с исследованием отличительных и структурных особенностей и закономерностей развития книжнославянского и письменного русского типов русского литературного языка (ср. теорию трех стилей Г. О. Винокура и Л. П. Якубинского или теорию трех языков А. В. Исаченко⁶), учение о которых является одним из важнейших положений доклада. В докладе показано, как в процессе взаимодействия данных двух типов языка вырабатываются своеобразные формы грамматической и лексико-фразеологической синонимии, с одной стороны, и происходит семантическое слияние старославянских

ского (староболгарского) литературного языка, «Славянская филология. Сб. статей» (IV Международный съезд славистов), I, М., 1958, особенно стр. 228 и сл.

¹ H. Birnbaum, Zur Aussonderung der syntaktischen Gräzismen im Altkirchenslavischen, «Scando-slavica», t. IV, 1958; R. Ruzicka, Griechische Lehn-syntax im Altslavischen, ZfS, Bd. III, Hf. 2—4, 1958; J. Bauer, Vliv řečtiny a latiny na vývoj syntaktické stavby slovan-ských jazyků, сб. «Československé před-našky...».

² См. также: T. Lehr-Spławiński, Czy są ślady istnienia liturgii cyrylicy-metodejskiej w dawnej Polsce?, «Slavia», ročn. XXV, seš. 2, 1956; B. Havránek, Otázka existence církevní slovanštiny v Polsku, там же; е го же, K otázce mezislavanských vztahů spisovných jazyků, «Slavia», ročn. XXIV, seš. 2—3, 1955, особенно стр. 184 и сл.

³ Б. Конески, За некои стилски синтети во развитокот на македонскиот литературен јазик, «Литературен збор», V, 1, Скопје, 1958.

⁴ Л. М. Шакун, Значэнне царкоўнаславянскай мовы ў развіцці беларускай літаратурнай мовы, «Матэрыялы да IV Міжнароднага з'езду славістаў», Мінск, 1958; А. І. Жураўскі, Да пытання аб ролі царкоўнаславянскай мовы ў развіцці беларускай літаратурнай мовы XVI ст., там же. О церковнославянских в истории украинского языка см. в недавно вышедшей книге: «Курс історії української літературної мови», т. I (дожовтневий період), Київ, 1958.

⁵ В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, «IV Международный съезд славистов. Доклады», М., 1958.

⁶ Г. О. Винокур, Русский язык. Исторический очерк, М., 1945; Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, М., 1953; см. также ответ А. В. Исаченко на вопрос о специфике литературного двуязычия в истории славянских народов в «Сборнике ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов)» (М., 1958, стр. 25) и его доклад по вопросу сравнительной лексикологии славянских языков на IV Международном съезде славистов.

и восточнославянских омонимов — с другом¹.

Как в докладе В. В. Виноградова, так и в дискуссии (главным образом в выступлениях С. И. Ожегова и В. Д. Левина) большое значение для определения направления будущих исследований в области русского литературного языка имело критическое рассмотрение различных точек зрения на происхождение восточнославянского литературного языка в связи с критикой теории С. П. Обнорского. Было подчеркнуто положительное значение и для настоящего времени мнения И. И. Срезневского (см. его «Мысли об истории русского языка»), который рассматривал старославянский прежде всего как очень близкий по строю к древним славянским языкам и предлагал в связи с этим в отношении древнерусского литературного языка говорить об органическом слиянии двух родственных языковых систем, а не о заимствовании из одного языка в другой (ср. более позднюю точку зрения С. К. Булича на славянзмы как на заимствования, широко распространенную в свое время). На съезде было подчеркнуто (выступление В. Д. Левина), что подобное слияние двух языков не только не бросает тени на яркую самобытность, но высокую культуру древней Руси, а напротив, только при условии самобытной и высокой культуры такое слияние могло привести к возникновению самобытной, дифференцированной и синонимически разнообразной системы древнерусского литературного языка (или «системы систем»). Господствовавшее в последние десятилетия учение С. П. Обнорского о происхождении восточнославянского литературного языка неправомерно ограничивало литературные функции церковнославянского языка на восточнославянской почве (ср. возражения А. Мазона, Б. Унбегауна). В. В. Вино-

градов отметил, что теория С. П. Обнорского имела большое научное значение в отрицании одностороннего и примитивного взгляда А. А. Шахматова, который считал древнерусский литературный язык прямым потомком древнеболгарского, но и она грешит против действительного положения вещей².

Сложнейшие взаимоотношения старославянского и русского языков на примере нескольких общеславянских слов были рассмотрены в докладе Б. Унбегауна³. Он оттенял специфические особенности церковнославянизмов на фоне соответствующих русизмов, их неконкретность, отвлеченность и вытекающую отсюда терминологичность. При обсуждении этого доклада (выступления С. Урбанчика, В. А. Ларина, Ф. П. Филина, Е. М. Галкиной-Федорук, С. А. Копорского, Г. И. Коляды, С. И. Ожегова) дискутировался вопрос о славянизмах по происхождению и по употреблению, о русских архаизмах в функции славянизмов, обсуждались критерии выделения исконных старославянизмов. Вместе с тем указывалось на недостаточную изученность славянизмов в истории русского литературного языка⁴.

Р. М. Цейтлин

² См. также: В. В. Виноградов, Научная деятельность акад. С. П. Обнорского (к 70-летию со дня рождения), ИАН ОЛЯ, 1958, вып. 3, стр. 259—262; А. М. Селищев, О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка, ВЯ, 1957, № 4; A. D o s t á l, Úloha církevní slovanštiny v dějinách vzniku a rozvoje spisovné ruštiny, «Československá rusistika», 2—3, 1958.

³ B. O. Unbegaun, Russe et slavon dans la terminologie juridique, RÉS, t. XXXIV, fasc. 1—2, 1957.

⁴ См. В. В. Виноградов, Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР, М., 1955. Из работ последних лет, посвященных анализу употребления славянизмов, можно назвать исследование Л. Чельберга: L. Kjellberg, La langue de Gedeon Krinovskij, prédateur russe du XVIII-e siècle, I, Uppsala — Wiesbaden, 1957.

¹ Ср. о роли старославянского языка в полисемии и «полилексии» в ст. В. Бланара (V. B l a n á r, K základným olozкам lexikologie, «Sborník filozofické fakulty univerzity Komenského», Philologica, ročn. IX, číslo 64, Bratislava, 1957).

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ УЧЕНЫЕ

■ Сейчас я работаю над научпой (описательной) грамматикой нанайского языка. Первый и второй ее тома, посвященные фонетике и морфологии, уже закончены; работаю над синтаксисом, описание которого будет состоять, по-видимому, также из двух частей: а) синтаксис простого предложения и б) синтаксис предложения с оборотами и сложного предложения. В течение нескольких ближайших лет буду участвовать в разработке двух кол-

лективных тем: составление большого нанайско-русского словаря и исследование генетических связей и взаимовлияний «алтайских» языков и языков соседних народов.

Сосредоточенность моих интересов преимущественно на описательной грамматике и фонетике конкретного языка объясняется прежде всего тем, что мой путь к языкознанию лежал через многолетнюю практику работы над созданием алфавитов,